

П. И. Гайденко

**Архиерейские дворы домонгольской Руси
(перспективы дальнейших исследований)**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10002

Аннотация: Важнейшим институтом управления древнерусской церковной организацией выступали епископские дворы. Представляя собой хорошо укрепленные городские архиерейские кварталы, эти замковые комплексы, к сожалению, остаются малоизученным феноменом древнерусской жизни. В рамках представленной статьи предпринята попытка сформулировать ряд ключевых проблем, касающихся жизни святительского двора. Основное внимание уделено систематизации некоторых архитектурных особенностей организации подобных замков. При этом основное внимание обращено на установление связи между епископскими замками и княжескими замками-резиденциями. Представленные в работе наблюдения имеют предварительный характер и направлены на поиск новых перспектив в изучении архиерейского управления домонгольской Руси.

Ключевые слова: Архиерейский двор, епископские замки, Киевская Русь, история Русской Церкви, домонгольская Русь, церковно-государственные отношения на Руси, древнерусский город, древнерусский епископат, древнерусский митрополит.

Об авторе: **Павел Иванович Гайденко**

доктор исторических наук, председатель редсовета журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях».

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Ссылка на статью: Гайденко П. И. Архиерейские дворы домонгольской Руси (перспективы дальнейших исследований) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 28–43.

P. I. Gaidenko

**Bishops' Courts of Pre-Mongol Rus
(prospects for further research)**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10002

Abstract: The most important institute of management of the ancient Russian church organization were the bishop's courtyards. Representing a well-fortified city bishop's quarter, these castle complexes, unfortunately, remain a little-studied phenomenon of ancient Russian life. In the framework of this article, an attempt has been made to formulate a number of key problems concerning the life of the prelate. The main attention is paid to the systematization of some architectural features of the organization of such locks. At the same time, a closer look is directed at establishing the connection between the episcopal castles and the princely castles-residences. The observations presented in the paper are of a preliminary nature and are aimed at finding new perspectives in the study of the bishop's administration of pre-Mongol Russia.

Keywords: Bishop's court, episcopal castles, KievanRus, History of the Russian Church, pre-Mongol Russia, church-state relations in Russia, the Old Russian city, the Old Russian episcopate, the Old Russian metropolitan.

About the author: Pavel Ivanovich Gaidenko

Doctor of History, Head of Editor Council of Scientific journal "Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas".

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Article link: Gaidenko P. I. Bishops' Courts of Pre-Mongol Rus (prospects for further research). *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 28–43.

В последние годы украинская, белорусская и российская медиевистика и русистика переживают настоящий подъём. Достижения в области источниковедения и прежде всего в области изучения летописания и различных церковных текстов позволили не только существенно расширить представления о прошлом, но и задать к нему вопросы, которые прежде не звучали в историографии. Вместе с тем достижения в области археологии еще не оценены значительной частью историков. Однако порой это единственный источник, позволяющий осветить минувшие эпохи и увидеть в них то, что прежде ускользало от взгляда исследователей. Примером такого состояния дел представляется комплекс проблем, касающихся жизни и деятельности архиерейских дворов Киевской Руси.

Действительно, при всей кажущейся изученности системы церковного и, прежде всего, епископского управления в эпоху Киевской Руси, постоянно приходится сталкиваться с лакунами в областях, которые до этого виделись вполне исследованными и не сулящими ничего нового. К одной из подобных лакун должен быть отнесен важнейший из ключевых элементов и институтов системы церковного управления XI–XIII вв. — епископский двор. Его присутствие в древнерусских городах отмечено во множестве источников и не вызывает сомнения ни фактом своего существования, ни применяемым к нему названием. Между тем, в научном нарративе ситуация видится неоднозначной. Если архиерейским домам XV–XX вв. и крепостным сооружениям, включая укрепленные монастыри, посвящена значительная по объему исследовательская литература¹, то епископские дворы домонгольской Руси остаются крайне блеклым пятном на страницах отечественной истории. В данном отношении показательна специальная статья в Православной Энциклопедии «Архиерейский дом», основное внимание которой уделено епископским резиденциям XVI–XVII и XVIII–XX вв.², в то время как святительским дворам домонгольской Руси и периода ордынского господства посвящены только самые общие замечания³. Подобная неравномерность присутствует и в степени изученности различных епископских центров⁴.

¹ *Воротникова И. А., Неделин В. М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. М., 2013. 888 с.; *Воротникова И. А., Неделин В. М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Юга России. М., 2016. Т. 2. Кн. 1. 556 с.; Кн. 2. 364 с.

² *Флоря Б. Н., Алексеев А. И.* Архиерейский дом // Православная Энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 533–537.

³ Там же. С. 532–533.

⁴ В последние годы в данном направлении достигнуты существенные успехи. В исследованиях Т. Ю. Фоминой и В. И. Пановой в значительной мере прослежены основные этапы становления епископских кафедр домонгольской Руси: *Назаренко А. В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X — XII вв.) // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М., 2009. С. 172–206; *Фомина Т. Ю., Заляева Г. Ш.* К вопросу о периодизации истории новгородской епископии (до начала XIII в.) // Церковь. Богословие. История. Мат-лы III Междунар. научно-богосл. конф. Екатеринбург, 2015. С. 611–618; *Фомина Т. Ю.* Очерки истории Белгородской епископии (до конца XII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Т. 1(61). С. 188–192; *Фомина Т. Ю.* Русские епископии эпохи Владимира Святославича // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 31–47; *Фомина Т. Ю.* Епископии Юго-Западной Руси: этапы становления и развития (X–XIII вв.) // ХЧ. 2016. № 6. С. 393–411; *Фомина Т. Ю.* Церковно-политические аспекты истории смоленской епископии XII–XIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4. Т. 2(66). С. 176–180; *Фомина Т. Ю.* Становление и развитие Северо-Восточных русских епископий

Хорошо исследованы епископские дворы Новгорода⁵ и Переяславля⁶. В значительной мере проанализированы письменные сообщения и данные археологии, касающиеся епископских дворов в Смоленске⁷, Владимире-на-Клязьме⁸, Чернигове⁹ и Полоцке¹⁰. Детально обследованы остатки строений на территории митрополичьего

(конец X–XIII вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. СПб., 2016. С. 387–414; *Фомина Т.Ю.* Древнерусские епископии: время, место и обстоятельства создания // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Мат-лы V междунар. конф. Великий Новгород, 2016. С. 76–84; *Фомина Т.Ю.* Дискуссионные проблемы истории черниговской епископии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 56–67; *Фомина Т.Ю.* Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.) // ХЧ. 2018. № 2. С. 243–253; *Костромин К.А.* Ещё раз о возникновении туровской епископии (о статье Т.Ю. Фоминой «Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.)» // ХЧ. 2018. № 2. С. 243–253) // ХЧ. 2018. № 2. С. 243–253; *Панова В.И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж, 2016. 364 с.

⁵ *Греков Б.Д.* Новгородский дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. 28–32, 54–58, 218–244; *Мусин А.Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2013. С. 10–14; *Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю.* Епископская улица Новгородского кремля. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9(35): в 2-х ч. Ч. 2. С. 91–95; *Гордиенко Э.А.* Деревянная София, каменная церковь Иоакима и Анны 989 г. и Рождественский придел в Софийском Соборе 1045/1052 г. в истории строительства Владычного двора // ДРВМ. 2018. № 2(72). С. 5–27.

⁶ *Каргер М.К.* Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. М., 1954. Вып. 20. С. 5–30; *Асеев Ю.С., Харламов В.А., Сикорский М.И.* Исследование Михайловского собора в Переяславле-Хмельницком // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси): сб. науч. трудов. Киев, 1979. С. 122–137; *Фрезе А.А.* Церковь св. Михаила в Переяславле Русском и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб., 2013. С. 216–221.

⁷ *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода – Дмитриевский. М., 1849. С. 103, 105; *Воронин Н.Н.* Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII веков. М.; Л., 1945. С. 21–79; *Воронин Н.Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11: Материалы и исследования по археологии городов. Т. 1. С. 215–217.

⁸ Археологическая составляющая данной проблемы вызывает множество затруднений. Однако история Смоленской епископии отмечена хорошей сохранностью документа, подтверждающего передачу местной кафедре княжеского детинца (Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 146).

⁹ *Коваленко В.П.* К исторической топографии черниговского детинца // Проблемы археологии Южной Руси / под ред. П. П. Толочко. Киев, 1990. С. 19.

¹⁰ При том, что большая часть известий о Полоцкой епископии связана с более поздним комплексом документов, местная агиография, связанная с именем преп. Евфросинии Полоцкой, позволяет получить представление о некоторых сторонах жизни местных святителей и их хозяйстве (Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашей Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М., 2002. С. 153–169; *Кузьмин А.В.* Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV – середине XV в. как источник по истории Полоцкой епархии // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2(25/26). С. 229–254; Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / подг. А. Л. Хорошкевич, С. Б. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Груша,

двора в Киеве¹¹. Что же касается святительских резиденций других городов-кафедр, то большинство из них просто не привлекали внимание ученых, что в значительной мере извиняется состоянием источников (попросту отсутствием достаточного объема археологических данных) и объясняется устойчивостью в научном сознании историографических мифов. Так, например, благодаря усилиям славянофилов, в литературе второй половины XIX в., концепции которой до сих пор оказывают существенное влияние на работы исследователей, возникло представление об особом жизненном укладе древнерусских архиереев. Проф. И. Д. Беляев, сравнивая жизнь древнерусских митрополитов и латинских архиепископов, писал: «Наши митрополиты не походили на латинских архиепископов, они не были князьями, не имели замков и войск. Впоследствии митрополиты хотя и имели свои отряды, но они имели их не как митрополиты, а как землевладельцы, и отряды их не имели своего знамени, а стояли под княжеским. Исключение из этого составлял новгородский епископ. Митрополиты не чеканили монету, они вообще не имели атрибутов княжеской власти и тех привилегий, какими пользовались латинские епископы. Все права их ограничивались ведением тех лиц и учреждений, которые принадлежали церкви, но зато в эту область никто уже не мог вмешиваться. Здесь митрополит был компетентным судьей, и в делах церковных жаловаться на него можно было только патриарху Константинопольскому»¹². Между тем, сегодня подобные взгляды видятся анахронизмом, далёким и даже противоречащим исторической действительности. Отражённая в источниках жизнь древности была богаче и существенно разнилась с тем, что виделось историкам и правоведам второй половины XIX столетия¹³.

В современной исследовательской литературе уже высказывалась идея о необходимости комплексного изучения феномена древнерусских епископских дворов¹⁴. Однако при том, что, к сожалению, она не получила глубокого развития, в данном направлении сделаны важные шаги вперёд. В научных работах епископские дворы совершенно обоснованно стали отождествляться с сооружениями, именуемыми в западноевропейской традиции «замками»¹⁵. Действительно, древнерусские источники,

А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. В 2 т. М., 2015. Т. 1: Тексты грамот. Приложения. Указатели. 864, XVI с.; Т. 2: Комментарии. Исследовательские статьи. Карты, иллюстрации. 522 с.)

¹¹ Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1961. С. 206–237.

¹² Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 2018. С. 141.

¹³ Действительно, исследования быта и жизни византийских архиереев показывают, что жизнь большинства византийских епископов не отличалась роскошью и богатствами (Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. СПб., 2014. С. 95–96). Принадлежность к аристократии не гарантировала иерарху необыкновенного материального достатка и излишеств. К тому же и сама принадлежность к аристократии в сознании населения империи IX–XII вв. определялась не столько рождением, сколько «фактом общественного сознания», т. е. набором более сложных критериев, не предполагавших безусловного приоритета родовых или материальных принципов (о принципах формирования критериев и представлении об аристократичности в империи см. подробнее: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. СПб., 2017. С. 191–192). Однако на Руси, по крайней мере уже в XII в., ситуация видится радикально иной (Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 15–28).

¹⁴ Купорова Г. Ш. Архиерейский двор на Руси в XI–XIII веках // Церковь. Богословие. История: мат-лы Всеросс. научно-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 90–98.

¹⁵ Именно такой взгляд на епископский двор присутствует у А. Е. Мусина (Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. С. 13).

результаты археологических раскопов, а также дошедшие до наших дней памятники архитектуры позволяют заключить, что епископские дворы представляли собой внутригородские замки (города), которые были местом не только проживания архиереев, но и ведения епископской канцелярии, скрипториями, местом заключения князей, центрами церковного управления, средоточием епископского хозяйства и т. д. Кроме того, епископский замок был важным символом церковной власти¹⁶. Предложенный взгляд на епископский двор видится наиболее верным, поскольку позволяет рассматривать этот феномен не только как институт административного и хозяйственного управления, но и как особую форму существования политической, социальной, религиозной и бытовой культуры.

Несомненно, безотносительно к своим владельцам, духовным или светским, замки, по совершенно точному замечанию проф. Оливера Крейтона, были не только военно-административными объектами и хозяйственными центрами, демонстрировавшими амбиции и систему ценностей их обладателей, но и пространством особого существования живших здесь или связанных с этим местом людей¹⁷. Строительство замка приводило к «перестроению городского ландшафта и окружающего пространства»¹⁸. Очевидно, что замок представлял собой не только отдельное строение, но и во многом автономный мир, с одной стороны, ограничивавшийся стенами крепостного сооружения, а с другой, стремившийся изменить и, по возможности, подчинить себе окружающее социальное и экономическое пространство¹⁹. В случае с Переяславлем и Киевом — учреждение в них митрополий обязывало обладателей кафедр и стоявших за ними ктиторов к масштабному строительству, в том числе и архиерейских дворов. Необходимо учитывать ещё одно обстоятельство. Появление подобных сооружений и следовавшее за их возведением изменение городского пейзажа производило на окружающих очень сильное впечатление, приводя к изменению социального статуса обладателя епископского замка. Обладатель выдающегося архитектурного комплекса и сам виделся окружающим лицом незаурядным. Этот восторг очень точно передан в нескрываемой эмоциональности летописной записи, описывающей епископский двор митрополита Ефрема: «В се же лет[о] с[в]яш[е]на быс[ть] ц[е]ркви с[в]я[т]о[г]о Михаила Переяславлеския Ефремомъ тоя ц[е]ркви митрополитомъ иже ю естъ создалъ велику суцю и пристрою в неи велику с[о]твори оукрасивъ ю всякою красотою ц[е]рк[о]вными съсуды. сии бо Ефрема в си лета много зданье въздвиже въ ц[е]ркви с[в]я[т]о[г]о Михаила заложи же ц[е]рквь на вортехъ святого Федора и с[в]я[т]о[г]о Андрея оу ц[е]ркве оу вортъ и городъ камень и строено банное камяно сего же не бысть в Руси и вкраси городъ Переяславский зданьи ц[е]рк[о]вными и прочими зданьи»²⁰. Подобное, не менее экспрессивное описание комплекса церковных сооружений, административно привязанных к резиденции митрополита в Киеве, можно встретить в летописном сообщении 1037 г., извещающем о создании Ярославом Мудрым митрополии: «Заложи Ярославъ городъ великыи Киевъ оу него же града врата суть златая заложи же и ц[е]рк[о]в[ь] . с[в]я[т]ыя Софья премудрость Б[о]ж[ь]я митрополю . и по семь церк[о]в[ь] на Златыхъ вратехъ камю с[в]я[т]ыя Б[о]городица Бл[а]г[о]вещ[е]ние. сии же премудрыи князь Ярославъ то того деля с[о]твори Бл[а]г[о]вещ[е]ние на вратехъ дати всегда радость граду тому

¹⁶ Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.). С. 88–89.

¹⁷ Creighton O. H. Castles and Castle Building in Town and Country. *Town and country in the Middle Ages. Contrasts, Contacts and Interconnections*. 1100–1500. Ed. by K. Giles and Ch. Dyer. Maney, 2005, p. 276.

¹⁸ Ibid, p. 275.

¹⁹ Ibid, p. 276.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

с[вя]т[е]мъ Бл[а]г[о]вещениемъ Г[о]с[под]нимъ и м[о]л[и]твою с[вя]т[ы]я Б[о]городица архангела Гаврила. по семь с[вя]т[о]го Георгия монастырь и с[вя]т[ы]я Орины»²¹. Впрочем, если резиденцию Переяславского митрополита летописец назвал «градом», что позволяет отождествить это сооружение с замком, то в отношении митрополии в Киеве ситуация видится несколько иной, хотя и не менее интересной.

При том, что описанные события отстоят друг от друга на шесть десятилетий, все они описывают появление митрополичьих резиденций, сооружение которых предполагало и существенное комплексное преобразование городского ландшафта, наполнявшегося новыми смыслами, прежде всего смыслами второго Иерусалима или нового Константинополя²². В данном отношении церковные комплексы, к которым необходимо отнести не только монастыри и храмы, но и епископские дворы (замки), способствовали формированию иеротопии города и Руси в целом²³. При этом наибольшим значением и экспрессивностью обладал образ Иерусалима, который как для Руси, так и для всех христианских обществ Средневековья обладал особой притягательностью²⁴. Таким образом, появление института архиерейских дворов отражало не только растущие амбиции епископата и стоявших за ними князей и групп

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139.

²² О Киеве, Переяславле и Владимире как образах второго Иерусалима см. подробнее: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 162–168; *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 355–368; *Солнцев Н. И.* Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 275–281; *Солнцев Н. И.* Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 180–187; *Лидов А. М.* Видение храма и града. О иерусалимской символике скульптурных икон на фресках русских храмов XII–XIII веков // Cahiers du Monderusse, 53/2–3. Avril-septembre 2012, p. 301–318; О Переяславле: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 170; *Ричка В. М.* «Київ—Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005. 243 с.; *Ищенко А. С.* Чью славу «пераял» Переяславль? (о происхождении и семантике названия города) // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. ст. / Под ред. П. Я. Циткилова. Новочеркасск, 2017. С. 11–15.

²³ Эта прочувствованность священности пространства Руси, наполняемого церковной жизнью и церковными строениями, хорошо прослеживается в древнерусских текстах, например, в похвале князьям Владимиру и Ярославу: «И в единовремене вся земля наша восславляла Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правверия; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушились и поставлялись церкви, идолы сокрушались и явились иконы святых, бесу убежали, крест же освящал грады» (Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / [Сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М., 2010. С. 185–186). Подобное же осознание святости пространства Русской земли присутствует в Слове о погибели земли Русской: «О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!» (курсив мой. — П. Г.) (Слово о погибели Русской Земли // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М., 2010. С. 27).

²⁴ См. подробнее: Иерусалим в русской культуре / Сост. Баталов А. Л., Лидов А. М. М., 1994. 224 с.

городской знати, но и действительный рост политического и канонического влияния высшей церковной иерархии, по-иному оценивавшей своё место в обществе и мире. Более того, это указывало на рост церковного сознания древнерусских элит, желавших продемонстрировать свою включённость в христианские традиции Европы, в том числе и через посредство архитектурных форм. Примечательно, что появление епископских замков на Руси в целом совпадает со временем возникновения епископских замков в Европе. Например, первое упоминание о епископском замке в Англии приходится на первую половину XII в.²⁵

Наиболее отчетливо функции епископских дворов прослеживаются на материалах Новгорода и, в некоторой мере, Смоленска. Это объясняется разнообразием и сохранностью источников. Прежде всего, такая полнота данных обнаруживается в отношении архиерейского двора Новгорода, о многогранной жизни которого позволяет судить грандиозный корпус письменных и архитектурных памятников. Что же касается новгородского архиерейского двора, то его деятельность и связанные с ней события отражены и прослеживаются во множестве свидетельств: от результатов археологических раскопок и сохранившихся памятников архитектуры до летописных сообщений, агиографии и актовых источников, о полноте которых можно судить, по меньшей мере, по нескольким монографическим исследованиям и множеству научных сборников. Нечто подобное можно отметить и в отношении архиерейского двора в Смоленске, частичная реконструкция которого на основе актовых источников²⁶, данных археологии²⁷ и сообщений Жития Авраамия Смоленского²⁸ позволяет заключить, что городской епископский замок сформировался на основе переданного кафедре княжеского детинца. Установлено, что в нём размещались ставший княжеской усыпальницей Успенский собор²⁹, какие-то примыкающие к нему постройки, огороды³⁰, а также терем (башня)³¹.

Не менее интересными видятся результаты археологических исследований на месте архиерейского дома в Чернигове. Принимая во внимание то обстоятельство, что в городе некоторое время проживал киевский митрополит Константин, вероятно, занимавший отдельные помещения³², можно заключить, что комплекс церковных строений в пределах городской черты мог быть значительным.

²⁵ Creighton O. H. *Castles and Castle Building in Town and Country...*, p. 279–280.

²⁶ Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* С. 141–145; Подтвердительная грамота епископа Мануила // Там же. С. 145; Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Там же. С. 146.

²⁷ Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А. *Зодчество Смоленска XII–XIII вв.* Л., 1979. С. 26–27; Алексеев Л. В. *Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии.* М., 1980. С. 242.

²⁸ О некотором устройстве архиерейского двора можно судить на основании описанного в житии суда над Авраамием Смоленским (*Житие Авраамия Смоленского* // *БЛДР.* Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 44–45).

²⁹ Алексеев Л. В. *Смоленская земля в IX–XIII вв.* С. 143, 156.

³⁰ Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске... С. 144 [ст. 9].

³¹ Алексеев Л. В. *Смоленская земля в IX–XIII вв.* С. 149, 153, 238.

³² Об этом можно догадываться на основании летописного известия о предсмертном завещании митрополита: «яко умираючи ему призва к собе еп[и]с[ко]па Черниговьского Антонья» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349). Призвание первосвятителем местного архиерея позволяет думать, что больной, находящийся на краю жизни архиерей занимал отдельное, автономное от епископа и князя помещение.

При том, что часть функций епископских дворов хорошо реконструируется и наглядно прорисовывается в религиозной и политической жизни кафедральных городов, в отечественной археологии и в истории в целом, кажется, не предпринималось попыток реконструкции епископских резиденций. В итоге можно констатировать, что в отечественной науке не проводилось и сопоставительного анализа архитектурных и административно-хозяйственных комплексов строений епископских резиденций. Такая работа позволила бы выявить общие черты и специфические особенности епископских резиденций Руси, как, например, это сделано в отношении Венгрии³³.

Не менее интересно выяснить, какие именно сооружения послужили прототипами для создания архиерейских дворов. Если принять во внимание присутствовавшую на Руси широкую практику заимствований культурных, архитектурных, литургических и канонических норм из жизни иных государств и народов, установление подобных влияний в отношении епископских дворов видится перспективным направлением работы историков. Вполне возможно, что такие заимствования были множественными. Первые поверхностные наблюдения и возникающие на их основе впечатления позволяют предположить, что формирование архитектурного комплекса епископских резиденций основывалось на знакомстве строителей и/или заказчиков с епископскими кварталами Византии³⁴, с замковой и крепостной культурой Руси³⁵, и, вероятно, одновременно в некоторых случаях они могли представлять собой церковно-дворцовые комплексы, создававшиеся под впечатлением подобных сооружений в Константинополе или где-либо ещё.

В полной мере можно согласиться с наблюдениями В. П. Коваленко, отмечавшего особую связь епископских дворов с городскими детинцами. В рассматриваемый период практически не встречаются загородные епископские дворы. Всё это позволяет заключить, что большинство епископских дворов относилось к городскому типу замков, феномен которых лучше всего изучен в странах Западной Европы³⁶. Вероятно, возникновение таковых городских замков было обусловлено множеством причин: от естественной потребности святителей находиться вблизи к княжеской власти и к городскому нобилитету до стремления самих городских властей обеспечить святителям максимальную безопасность и гарантировать высокий социальный и политический статус в глазах местного населения. К тому же, судя по всему, вопрос о месте архиерейской резиденции решала княжеская власть. Во всяком случае, летописание и акты источники вполне определённо указывают на то, что именно князья принимали решение об открытии кафедр, о месте размещения святительских

³³ Petrovics I. The Cities and Towns of Medieval Hungary as Economic and Cultural Centres and Places of Coexistence. The Case of Pécs. *Colloquia. Journal of Central European History*, vol. XVIII, 2011, p. 5–26.

³⁴ Подобный квартал, например, присутствовал в Херсонесе (Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков; М., 2013. С. 100–129).

³⁵ О замковой культуре Руси и её связи с церковным, прежде всего монастырским строительством см.: История культуры Древней Руси / под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихомировой. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 463–465.

³⁶ В данном отношении показательны примеры епископских замков в Венгрии, где городской епископский замок, как правило, представлял часть городского бастиона, включая в себя не только систему укреплений, но и собор, дворец епископа, а также принадлежавший собору квартал (Petrovics I. The Cities and Towns of Medieval Hungary..., p. 17). При этом замок епископа мог примыкать к замку городского господина, что очень напоминает ситуацию в Киеве. Здесь митрополичий двор соседствовал с княжескими резиденциями, а киевская София, по примеру Софии Константинополя, вероятно, представляла собой часть дворцового комплекса Киева.

резиденций и их переносе³⁷, а также об их обеспечении³⁸. Что же касается городской знати, то на примере Новгорода и Суздаля можно заключить, что ей принадлежало право контроля над епископским хозяйством. Правда, для обеспечения этого права в большинстве случаев было необходимо заручиться волеизъявлением или поддержкой князя³⁹.

Несомненно, описание архитектурного ансамбля епископских дворов и их структуры предполагает детальный анализ, объём которого не может быть ограничен рамками статьи. Поэтому высказанные суждения и наблюдения можно и даже необходимо рассматривать в качестве начального подступа к проблеме. Тем не менее, предварительные наблюдения, при всей своей банальности, позволяют заключить, что епископский двор, как правило, был огражден кирпичной или каменной стеной, мог иметь надвратную церковь, включал в себя терем или епископские палаты, а также собор. Нередко при дворе отмечено наличие монастыря (или нескольких монастырей и храмов), могли присутствовать баня, некие хозяйственные постройки и огород. Кроме того, здесь могла вестись епископская канцелярия и наличествовал скрипторий.

Так, например, наличие каменных стен отмечено в отношении архиерейских дворов Киева (митрополит был не только главой церковной организации Руси, но и правящим архиереем своего столичного округа), Новгорода, Переяславля, Смоленска. Правда, при этом не вполне ясно, насколько эффективной преградой могли выступать эти укрепленные ограды, не сопровождавшиеся построением рва и валов, при том, что их толщина и высота были способны защитить обитателей двора

³⁷ В данном отношении показательно, что первым местом расположения митрополичьей кафедры был Переяславль и только при Ярославе кафедра была утверждена в Киеве (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 29, 78–79). Аналогичным образом поступил Святополк Изяславич, переселивший жителей города Юрьева в г. Святополч и перенёсший туда же епископскую кафедру: «и повеле еп[и]с[ко]пу Мюрину со Гурговце сести ту» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 219). Не менее показательными видятся действия князя Андрея Юрьевича Боголюбского по созданию собственной митрополии и епископии (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491).

³⁸ Примеры этого обнаруживаются в целом ряде документов и предпринимавшихся усилий. Самые ранние свидетельства: устав князя Владимира о десятинах и кормлении митрополита и духовенства за княжескими столами (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 108; Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 16–19; Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 285). При Ярославе Мудром создаётся устав о церковных судах, а также выделение уроков для содержания городского духовенства (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 141; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 85–91). Не меньший интерес представляют уставы, связанные с деятельностью Смоленской и Новгородской кафедр (Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске... С. 141–145; Подтвердительная грамота епископа Мануила // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 145; Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок... С. 146; Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Там же. С. 158–167; Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Там же. С. 153–158).

³⁹ Наиболее отчетливо особенная особенность проявилась в истории суда над епископом Кириллом, от которого потребовали возвращения в город переданных им Дмитровскому монастырю сокровищ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 109; *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.). С. 21–22).

исключительно от неорганизованной толпы. Не менее интересным и значимым сооружением являлись врата, которые в случае Переяславля сопровождалась возведением надвратной церкви и имели не только сугубо прикладное практическое значение, но и выполняли религиозно-символические функции, обладая своей спецификой, нуждающейся в отдельном изучении⁴⁰.

Помимо храма, важнейшим строением епископского двора являлся терем. Его следы, например, ясно обнаруживаются в Смоленске и Новгороде. Здесь архиереи проживали, здесь они принимали послов и просителей, здесь могли содержаться под арестом представители княжеского рода, здесь же временами совершали суд. С епископским теремом связан один из важнейших символических актов вступления нареченного или рукоположенного архиерея в должность: введение его в покои. В условиях Новгорода это действие совершалось при участии тысяцкого.

Не менее важные части епископской резиденции — стена и ворота. Присутствие стен и особых ворот, окружавших епископскую резиденцию и служивших местом входа внутрь двора, прослеживается, по меньшей мере, у нескольких архиерейских дворов, расположенных в княжеских или городских детинцах: в Киеве⁴¹, Новгороде⁴², Переяславле⁴³, Чернигове⁴⁴ и Владимире-на-Клязьме⁴⁵. Правда, при этом, как уже было отмечено, не вполне ясно, насколько они были способны защитить обитателей детинца и святительского двора от реальных угроз. Однако обстоятельства убийства в 1147 г. в Киеве князя-инока Игоря, с большой подробностью описанные в летописании, позволяют заключить, что митрополичий двор был одним из самых безопасных мест в беспокойном городе. Вероятно, здесь спасался Онаний, игумен Феодоровского монастыря, в котором пребывал приговорённый к смерти на вечевом суде и брошенный братией обители Игорь. При том, что митрополит Климент Смолятич пробовал остановить горожан, желавших расправы над нелюбимым князем, летописание ничего не сообщает о каких-либо угрозах со стороны киевлян ни в адрес первосвященника, ни в отношении его резиденции⁴⁶. Примечательно, что годом ранее, в 1146 г., во время первого в истории Киева массового разграбления местных монастырей⁴⁷, митрополичий двор даже при отсутствии митрополита, отбывшего в Константинополь, кажется, также не был тронут воинами Изяслава Мстиславича. Вероятно, безопасность митрополичьего двора была обеспечена не только крепостью стены, но и «нейтральностью» первосвященнической кафедры как в отношении киевского великокняжеского стола, так и в отношении ктиторских монастырей и храмов, обладавших широкой внутренней автономией. Внутренний и внешний вид стен этих резиденций неизвестен. Скорее всего, декорация стен епископских и митрополичьего дворов должна была соответствовать традициям времени и, прежде всего, повторять архитектурные и иные решения, использовавшиеся при обустройстве княжеских и боярских дворов/замков. При том, что источники не сохранили описания епископских дворовых

⁴⁰ О надвратных церквях Древней Руси см.: *Выголов В. П.* Надвратные храмы Древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. М., 1994. С. 3–36.

⁴¹ *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1961. С. 213–214.

⁴² Там же. С. 215–216.

⁴³ Там же. С. 214–215.

⁴⁴ *Коваленко В. П.* К исторической топографии черниговского детинца... С. 19.

⁴⁵ *Каргер М. К.* Древний Киев. В 2 т.: Т. 2. С. 215.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347–354.

⁴⁷ «и разграбиша Кияне съ Изяславомъ дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты взяша имения много в домехъ и в монастырехъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328).

пространств, некоторые детали княжеских дворов получили отражение как в летописании, так и в фольклоре. Например, роскошь княжеского двора описана в истории гибели Андрея Юрьевича Боголюбского⁴⁸. Однако наиболее интересными видятся колоритные картинки площади у собора, доносимые в фольклорных произведениях, в одной из былин о Дюке Степановиче: «Как у нас во городе во Галиче / У моей государыни у матушки / У собора пресвятыя Богородицы / Мощены мосточки все калиновы / А вбиты гвоздочки шоломчатые / Расстиланы сукна багряцовые / Есть гридни палаты белокаменны / Полы и среда одного серебра / Широкий двор на семи верстах / И около заборы позолочены!»⁴⁹. Нечто подобное встречается и в цикле былин о Святогоре и Илье. Всё перечисленное примечательно, особенно если учесть то, что епископские резиденции чаще всего были связаны с детинцами, а быт и нравы епископата ориентировались на нормы жизни бояр и представителей княжеского рода, а поэтому могли воспринять их символические атрибуты и культурные нормы.

Принимая во внимание то, что у стен Софии Киевской могло собираться вече, а новгородцы были способны предъявлять к своим архиереям претензии, касавшиеся достатка, вынуждая святителей к переустройству святительских покоев⁵⁰, можно заключить, что архиерейские дворы не были совершенно изолированными от остальной части детинца и оставались для горожан относительно доступными. Например, в 1147 г. у стен Софии по воле князя Изяслава собираются киевляне и проходит вече⁵¹. В пользу такого положения дел свидетельствует, в том числе, и уже упоминавшийся обряд введения новгородских епископов в архиерейские палаты. Этот символический акт совершался при участии тысяцкого, а значит, при этом могли присутствовать и другие представители города в лице обычных горожан и представителей городского нобилитета.

Ещё один важнейший элемент епископского двора — баня. Её следы хорошо прослеживаются в Переяславле и в Киеве. Обычно церковные историки интерпретируют данное сооружение как «общественную» баню, устроенную местным святителем для нужд города. Однако данная точка зрения, рождённая в условиях второй половины XIX в., в эпоху дум интеллигенции о народе, — лишь допущение. Скорее всего, это сооружение всё же предназначалось не для всех и обслуживало нужды, прежде всего, архиерейского двора. В пользу этого свидетельствуют, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, оба банных строения были расположены внутри святительского двора. Во-вторых, размещённое в Переяславле «банное строение» было сделано в форме терм, то есть являлось сооружением, по меркам Древней Руси, исключительной дороговизны и роскоши, которая демонстрировалась, в том числе, и во внешнем благолепии здания. Маловероятно, чтобы такое сооружение оказалось доступным для «публичных» нужд.

Не менее примечательно соседство или включенность монастырей или, по меньшей мере, монашествующих в круг жизни святительского двора. В домонгольский период следы такой близости прослеживаются в жизни Киева, Турова, Смоленска, Новгорода. Что же касается истории Смоленской епископии, при ней обнаруживается ещё и огород.

Таким образом, учитывая, что высказанные выше наблюдения имеют предварительный характер, можно заключить, что епископские дворы являлись неотъемлемой частью архитектурного ансамбля и фортификационных сооружений городов. По своей

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580–583.

⁴⁹ Попов И. О. Княжеские резиденции домонгольской Руси (генезис и классификация). http://www.archaeology.ru/Download/Popov/Popov_1998_Kniazheskie.pdf (дата обращения: 15.05.2019).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 250; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.). С. 22.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347–348.

структуре эти святительские дворы представляли собой, скорее всего, некоторое смешение епископских городских замков Европы, византийских епископских кварталов и княжеских замков. Судя по всему, архиерейские дворы создавались при участии княжеской власти, однако находились под контролем городского магистрата. Столь же неоднозначным было участие в жизни архипастырского замка монашествующих.

Соответственно, анализ функций святительского двора нуждается в дополнительном исследовании. Работа в данном направлении позволит не только систематизировать уже имеющийся и накопленный материал, но и предоставит возможность увидеть перспективу дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 262 с.

2. Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И. Исследование Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси): сб. науч. трудов. Киев: Наукова думка, 1979. С. 122–137.

3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / с предисл. проф. В. А. Томсинова; отв. ред. Н. Н. Бойко; сост. библиогр. О. М. Андрианов. М.: Изд-во «Родная страна», 2018. 920 с.

4. Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11: Материалы и исследования по археологии городов. Т. 1. С. 203–239.

5. Воронин Н. Н. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 92 с.

6. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 416 с.

7. Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. М.: БуксМАрт, 2013. 888 с.

8. Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Юга России. М.: Индрик, 2016. Т. 2. Кн. 1. 556 с.; Кн. 2. 364 с.

9. Выголов В. П. Надвратные храмы Древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. Вып. 5 / Редкол. В. П. Выголов, В. И. Плужников, А. Б. Стерлигов. М.: Наука, 1994. С. 3–36.

10. Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.

11. Гордиенко Э. А. Деревянная София, каменная церковь Иоакима и Анны 989 г. и Рождественский придел в Софийском Соборе 1045/1052 г. в истории строительства Владычного двора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 5–27.

12. Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV – середине XV в. как источник по истории Полоцкой епархии // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2(25/26). С. 229–254.

13. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / подг. А. Л. Хорошкевич, С. Б. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. В 2 т. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. Т. 1: Тексты грамот. Приложения. Указатели. 864, XVI с.; Т. 2: Комментарии. Исследовательские статьи. Карты, иллюстрации. 522 с.

14. Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. XIV, 544, 129 с.
15. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект-Пресс, 2001. 339 с.
16. Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
17. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
18. Доброхотов В. И. Памятники древности во Владимире Кляземском Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода — Дмитриевский. М., 1849. 200 с.
19. Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 146.
20. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30–65, 456–459.
21. Иерусалим в русской культуре / Сост. Баталов А. Л., Лидов А. М.; Центр восточно-христианской культуры. М.: Наука, 1994. 224 с.
22. История культуры Древней Руси / под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихомировой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 484 с.
23. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. СПб.: Алетея, 2017. 236 с.
24. Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. 661 с.
25. Каргер М. К. Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 20. С. 5–30.
26. Коваленко В. П. К исторической топографии черниговского дегинца // Проблемы археологии Южной Руси / под ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 15–23.
27. Костромин К. А. Ещё раз о возникновении туровской епископии (о статье Т. Ю. Фоминой «Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.) // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 243–253») // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 243–253.
28. Лидов А. М. Видение храма и града. О иерусалимской символике скульптурных икон на фресках русских храмов XII–XIII веков // Cahiers du Monderusse, 53/2–3. Avril-septembre 2012, p. 301–318.
29. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. СПб.: Алетея, 2014. 256 с.
30. Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери наша Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М.: ПСТБИ, 2002. С. 153–169.
31. Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 139 с.
32. Назаренко А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X — XII век) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 172–206.
33. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 282–288.

34. *Панова В. И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 364 с.
35. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 14–412.
36. Подтвердительная грамота епископа Мануила // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 145.
37. *Попов И. О.* Княжеские резиденции домонгольской Руси (генезис и классификация). http://www.archaeology.ru/Download/Popov/Popov_1998_Kniazheskie.pdf (дата обращения: 15.05.2019).
38. *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.
39. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. Вып. Е1–47. 136 с.
40. *Ричка В. М.* «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с.
41. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / [Сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 174–190.
42. Слово о погипе Русской Земли // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27.
43. *Солнцев Н. И.* Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 275–281.
44. *Солнцев Н. И.* Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 180–187.
45. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Ч. 2 Харьков; М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013. 672 с.
46. Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 141–145.
47. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 158–167.
48. Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 153–158.
49. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85–91.
50. *Флоря Б. Н., Алексеев А. И.* Архиерейский дом // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 3. С. 532–537.
51. *Фомина Т. Ю.* Дискуссионные проблемы истории черниговской епископии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 56–67.
52. *Фомина Т. Ю.* Древнерусские епископии: время, место и обстоятельства создания // Новгородика–2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Материалы

V международной конференции / сост. Е. В. Торопова, С. А. Коварская, Я. А. Васильев, Д. Б. Терёшкина, Б. Н. Ковалёв, Н. С. Федорук. Великий Новгород: НГУ, 2016. С. 76–84.

53. Фомина Т. Ю. Епископии Юго-Западной Руси: этапы становления и развития (X–XIII вв.) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 393–411.

54. Фомина Т. Ю. Очерки истории Белгородской епископии (до конца XII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Т. 1(61). С. 188–192.

55. Фомина Т. Ю. Русские епископии эпохи Владимира Святославича // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 31–47.

56. Фомина Т. Ю. Становление и развитие Северо-Восточных русских епископий (конец X–XIII вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. СПб., 2016. С. 387–414.

57. Фомина Т. Ю. Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.) // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 243–253.

58. Фомина Т. Ю. Церковно-политические аспекты истории смоленской епископии XII–XIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4. Т. 2(66). С. 176–180.

59. Фомина Т. Ю., Заляева Г. Ш. К вопросу о периодизации истории Новгородской епископии (до начала XIII в.) // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвящённой 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург: ЕДС, 2015. С. 611–618.

60. Фрезе А. А. Церковь св. Михаила в Переяславле Русском и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2013. С. 216–221.

61. Creighton O. H. Castles and Castle Building in Town and Country. *Town and country in the Middle ages. Contrasts, Contacts and Interconnections. 1100–1500.* Ed. by K. Giles and Ch. Dyer. Maney, 2005, p. 275–292.

62. Petrovics I. The Cities and Towns of Medieval Hungary as Economic and Cultural Centres and Places of Coexistence. The Case of Pécs. *Colloquia. Journal of Central European History*, vol. XVIII, 2011, p. 5–26.